

Эдуард Веркин

Планета чудовищ

*Часть сборника
Большая книга ужасов 2014
(сборник)*

Эдуард Веркин
Планета чудовищ

«ЭКСМО»

2013

Веркин Э. Н.

Планета чудовищ / Э. Н. Веркин — «Эксмо», 2013

Ну почему вместо прекрасной «Зари» с теплым морем и розовыми пляжами я прохожу практику на обледеневшем спутнике Юпитера? Это похоже на изощренную издевку учителей. Месть лично мне, Тимофею Павлову, за то, что так и не превратился из лентяя в нормального человека, не оправдал возложенных надежд... Подумаешь! Я лодырь, но не дурак. Прекрасно понимаю: и отсюда можно сбежать. Вслед за одним странным парнем я пробрался на беспилотный грузовик. Только корабль прилетел совсем не на ту планету...

© Веркин Э. Н., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Эдуард Веркин

Планета чудовищ

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Иногда я сам не верю в то, что произошло, что уж говорить про остальных. Остальные смеются.

Конечно, я мог бы спросить Грушу. Если бы она была в уме. Но то, что случилось, надолго вышибло ее из границ вменяемости. Может быть, навсегда. Хотя доктора говорят, надежда есть.

Так что я один. Один со своею памятью, один со своими вопросами.

Вопросы... Их много. Одни сплошные вопросы. Я бы мог попытаться ответить на них, мог бы постараться. Но не буду. Потому что иногда вопросы гораздо важнее ответов.

Я один. Хотя нет... Там, далеко, так, что не видно в самый-самый сильный телескоп, так, что не слышно самому-самому чуткому радару, плывет она.

Планета Призрак.

Самое страшное место.

Глава 1

Нечеловеческие уши

– Я буду жаловаться, – без выражения сказал смешной тип и хрястнул дверью.

Дверь, конечно, не хрястнулась, за сантиметр до косяка остановилась и бережно, бесшумно притворилась. Так тихонечко-тихонечко.

Это привело типа в недоумение, а потом еще в раздражение. Тогда он дверь еще и пнул. А зря.

Его нога коварно завязла в дверном полотне, он дернулся, взмахнул руками, упал на пол. Тут же вскочил. Хотел кинуться на дверь уже с разбегу, но передумал. Правильно сделал. Эти двери пинай не пинай, ничего не выпинаешь. Специсполнение. У нас все – специсполнение. Дверь не пнуть, на подоконник не сесть, после десяти лет бегать нельзя – подошвы к полу прилипают. Да вообще во всех школах специсполнение, на всей планете. А он не знает. Дикий... И совсем не смешной, тут я не прав. Не смешной, другой какой-то, я не понял. От него исходили какие-то волны, будто он искажал вокруг себя пространство. Что-то не то...

Уши вот странные... Такие, альтернативные. В смысле формы. У людей ведь какие уши обычно – большие, маленькие, острые, круглые. Длинные еще иногда встречаются. А у этого какие-то ненормальные – мочки неестественно выпрямлены вниз. Никогда такого не видел. Нечеловеческие уши, в общем.

Странноухий скрипнул зубами, подошел ко мне и зачем-то сообщил:

– У меня дядя – черный егерь, между прочим.

– Ого... – протянул я. Больше не придумал, что сказать.

– Их же распустили, – влез сбоку всезнающий Жуков. – Еще двадцать лет назад, я видел фильм.

– Да, он в отставке, – грустно сказал тип. – Но у него остались связи, я ему скажу... сейчас же...

Но сейчас же говорить почему-то не стал. Постоял немного, почесал подбородок, пошагал быстро по коридору куда-то. Вполне может быть, что к дяде. Жаловаться ему в непосредственной форме.

– Это же Барков, – зевнул Жуков. – Ты что, не знаешь?

Барков? Ну и что? Никакого Баркова я не знал.

– Про «Блэйк» слыхал? – спросил со значением Жуков.

Про «Блэйк» я слыхал. Жуткая история. Хотя информация была весьма обрывочная, общественное мнение не хотят беспокоить, а само оно беспокоиться тоже не спешит. «Блэйк» – база где-то в районе Беты Живописца. Висели там в пространстве, наблюдали за звездными дисками, а потом все – как в кино: связь с базой была утрачена, и к Живописцу отправили карантинную группу, которая выяснила, что все взрослые с базы «Блэйк» исчезли непонятно куда, остались только дети. Там у них какой-то феодализм возник, или того хуже, точно не знаю. Объяснить, куда делись взрослые, дети не могли. Говорили, что ушли. А еще те дети очень ловко кидались самодельными ножами.

– Барков там был, – сказал Жуков. – А потом ребят с «Блэйка» распределили по разным школам и запретили им за пределы Системы выходить. Но они все рвутся в космос. Центробежный синдром. Вот и Барков тоже рвется.

– Что-то я его раньше не видел в школе, – заметил я. – Наверное, хорошо рвется.

– Так он только на экзамены приходит. Высокая степень социопатии, ему с другими нельзя, плохо на них влияет. Психика расстроена. Еще не успел восстановиться.

Жуков огляделся и добавил уже шепотом:

– Говорят, они-то всех своих родителей и перебили!

Я поглядел вдоль коридора, но Баркова уже не было, убежал.

– Чушь, – сказал я. – Такого не бывает.

– Чушь не чушь, а родители их куда-то подевались, – уже громко сказал Жуков. – Это факт.

Дверь в кабинет приоткрылась, и Жуков замолчал. Но вызвали усатого парня из старшей параллели. Жуков ругнулся, но негромко, чтобы не слышали.

Мы стояли на втором уровне административного здания и ждали распределения на летнюю практику. Всех остальных распределили еще месяц назад, а сейчас путевки выписывались тем, кто остался. Разным там освобожденным, больным, опоздавшим, лодырям.

Вот Жуков – он вечно опоздавший. Опоздывает везде и всегда. А Барков, наверное, больной. А я...

Я не освобожденный, я лодырь.

Ну, не то чтобы совсем закоренелый, но лодырь. У меня созерцательное восприятие мира: я не могу ничего делать, но оцениваю, как это делают другие. Раньше я был бы дегустатором, или художественным критиком, или даже философом, а в наше скучное время все эти профессии себя изжили. Нет, вообще-то каждый может дегустировать и критиковать сколько ему влезет, но в свободное от настоящей работы время. А если просто только дегустировать, то тут... Ну, короче, сложности возникают.

Не любят у нас таких, как я.

Вот и сейчас. Всех распределили в приличные места – кого на Викторию, кого на Песчаный, на Зарю, то есть на светлые, спокойные красивые планеты, изобилующие пляжами, прозрачными ручьями и тенистыми рощами. Там на кустах растут финики, а черника размером с грецкий орех и сама из себя варенье варит. И там есть такие минералы, которые песни даже умеют петь. Ничего этого мне наверняка не видать. Меня загонят на какой-нибудь скучнейший Меркурий, и целый месяц не вылезешь из экзоскелета, а пить будешь лишь то, что... Ну, короче, разную отфильтрованную дрянь.

А еще говорят – равенство... Какое там равенство, если созерцательная личность ущемляется на каждом шагу? Я с ранних лет стараюсь быть вне общества – и оно мне мстит. Жестоко мстит.

Дверь открылась, показался усатый.

Выглядел он довольным. Жизнерадостным таким.

– Места еще, видно, хорошие остались, – прокомментировал Жуков. – Может, и нам повезет...

– Вряд ли, – возразил я. – Мне-то уж точно не повезет. Я их методы знаю – любят трудом перевоспитывать...

Я хотел уже подробно рассказать Жукову о том, что современная педагогика построена на в корне неправильном представлении о формировании гармоничной личности, но тут вызвали меня. Я быстренько напустил на себя выражение усталой презрительности и вошел в кабинет.

Комиссия состояла из трех персон.

Майя Ивановна Гучковская, старший педагог, женщина твердой закалки, лодырей не переносит. Сама до сих пор работает, хотя ей уже за восемьдесят.

Помню, некто Томский из младшей параллели смастерил X-сканер и втайне всех в школе просвечивал, так вот он сообщил, что у Гучковской кевларовое сердце. Или даже железное. Короче, не свое. Ей будто бы предлагали неоднократно сделать нормальное сердце, человеческое, но она отказалась, сказала, что железное ей больше нравится.

Вторая персона – Игорь Бек, старший педагог, мужчина с настоящим сердцем. Добрый. Вполне может быть, что он меня пожалует. Он всех жалеет. Правда, жалость у него своеобраз-

ная: на Меркурий не загонит, зато пошлет на какие-нибудь орбитальные плантации, отгонять вредителей от циклокукурузы. А цикловредители величиной с кулак и в невесомости летают, как пули настоящие...

Третья – Марьяна Бежкова, старший педагог. Про нее ничего не скажу, она у нас недавно. Но лицо у нее слишком уж открытое. Скорее всего, Бежкова будет солидарна с Гучковской.

Короче, шансов у меня немного.

Поэтому в кабинет я вошел с легким сердцем, уже смирившись с Меркурием, и любой исход воспринял бы спокойно.

– Так-так... – Гучковская принялась перебирать мои бумаги, хотя и без них все про меня знала. – Так-так...

– Проходи, Тимофей, садись, – предложил мне Бек. И ручкой указал, куда именно садиться.

Вообще хочу сказать, что имя Тимофей – самое глупое во Вселенной. Оно похоже на синтетический валенок. Или на старую крысу. Нет, на старую крысу, живущую в синтетическом валенке. Поэтому я всех прошу называть меня Тимом.

Я прошел и сел.

– Так-так... – продолжала в том же духе Гучковская, листая файлы моего личного дела. – Так-так...

– Куда бы ты хотел отправиться? – вежливо спросил Бек. – Практику-то отрабатывать придется...

– Я выбрал местечко, – ответил я. – Хотел бы на Зарю, на Розовые Пляжи, спасателем. Такая суровая, изнуряющая работа на самом переднем крае борьбы...

– Тимофей, давай не будем шутить, – мягко попросил Бек. – Это ведь очень важно. Практика – серьезный шаг, почти как выбор будущей профессии.

Нет для меня профессии, я уже докладывал. Поэтому я так им и сказал:

– Вот и я о том, Игорь Леонидович. Я выбрал себе будущую профессию – хочу быть спасателем! Вы только представьте – свинцовые волны накатываются на каменный берег, седое солнце опускается за горизонт, я, мужественный и непреклонный, смотрю в бинокль. И чу – слышу крик... Тонет ребенок! Или лучше нет – олимпийская чемпионка по гимнастике! Я стремительно бросаюсь в студёные воды и, рассекая грудью пучину, устремляюсь к страждущей...

– Тимофей, – остановил меня Бек, – «страждущая» – тут несколько не то слово.

– Так-так... – Гучковская захлопнула мое дело, передала его Бежковой.

– Мне кажется, довольно балагана, – с улыбкой сказала Бежкова. – Нам всем ясно, что Тимофей не собирается исправляться...

– Я как раз наоборот – собираюсь! – заверил я. – Что может быть благороднее – спасти людей на пляже...

– Не перебивай! – перебила меня Бежкова. – Ты не собираешься исправляться, это понятно. Но мы даем тебе такую возможность...

– Я так и знал! – воскликнул я.

– Ты отправляешься в лагерь гляциологов¹ «Пири».

– Это где? – спросил я. – В Сибири?

– Это не в Сибири, это на Европе.

– Нормально. В Европе – это хорошо. «Пири», кажется, в Норвегии находится?

– Тимофей, – голос Бежковой стал вкрадчивым, – я же сказала не «в Европе», а «на Европе».

¹ Гляциолог – специалист, занимающийся гляциологией, наукой, изучающей свойства льда. (Прим. ред.)

Ох уж мне эта Бежкова! Наверное, она из Вытегры. Тамошний педвуз славится своей небывалой жесткостью.

– Тимофей, – улыбнулся Бек, – Европа не в Сибири. Европа – там.

И Бек указал пальцем в потолок. В небо. Туда, где за миллионы километров от административного здания нашей школы вертелся в пустоте вымерзший спутник Юпитера, открытый Галилеем в 1511 году. А то я и сам не понял! Я лодырь, а не дурак.

Повезло...

– Европа, – с удовлетворением повторила Бежкова. – Лагерь гляциологов «Пири».

Я же говорил. Все у них уже решено заранее.

– Спасибо за доверие, – закивал я. – Обещаю не уронить честь земного гляциолога. Буду нести высокое звание гляциолога до последнего вдоха...

– Завтра в десять в порту. Шестой док, ангар восемнадцать. Все.

– Как завтра?! – возмутился я. – Я же еще не готов...

Гучковская уставилась на меня своими стальными глазами, и я понял, что спорить бесполезно.

– С детства мечтал стать гляциологом, – грустно вздохнул я. – Во сне видел. Грезил в минуты...

Бек весело приложил палец к губам. Понятно. Еще пара слов – и засандалят на Меркурий. Или еще хуже – в Меркурий. В шахты.

И я удалился.

– Ну что? – сочувственно поинтересовался Жуков.

– Заря, Розовые Пляжи, – небрежно ответил я. – Спасателем.

– Повезло... – Жуков потер нос. – А я опоздал, наверное...

– Там еще в гляциологи записывают, может, успеешь.

И я ушел.

Глава 2

Лодырь, фанатичка, параноик

Я не люблю ничего делать, мне нравится, когда все делают за меня. Когда мне приходится чем-то заниматься, то на меня такая скука наваливается, что даже все болеть начинает.

Ну, мне, конечно, старались привить всякие полезные для общества качества, но они так и не привились, засохли на корню. Вот гляжу я на своих деятельных сверстников и вижу: они точно произошли от обезьяны – все время что-то делают. А я произошел от ленивца. Потому что не люблю ничего делать. И не вижу в том ничего предосудительного. Я ведь никому не мешаю! Ну, и не делаю я ничего, от этого же никому совершенно никакого вреда. В наши дни народ с голоду не помирает, даже наоборот. Я бы с удовольствием всю жизнь пролежал. Но отец так настроил всю лежачую мебель в доме, что днем на ней лежать решительно невозможно. Даже мой диван меня безжалостно предал – едва я приближаюсь к нему на метр, как он растекается по полу.

Впрочем, такими мелочами меня не остановить – я лежу на полу. Эх, мне бы в спокойный двенадцатый век... В крайнем случае – в еще спокойный тринадцатый... Вот бы я там пожил...

А теперь вдруг Европа.

Конечно, я подозревал, что распределение на Европу – тоже часть большого плана по переделыванию меня как вида. Последняя их надежда. Ладно... На Европу, конечно, придется лететь, тут уж не отвертеться. Однако это совсем не означает, что я буду там всю перековываться. Я сохраню свои принципы, пронесу их сквозь огонь... Хотя стоп, там, кажется, нет никакого огня, там лед. Ну, значит, я пронесу свои принципы сквозь лед. Вот так.

Я вернулся домой. Сообщил родителям.

Отец был рад. Он высказался примерно в таком духе: мы с матерью воспитывали тебя в любви к труду, в любви к знаниям, как и всех твоих братьев. Твои братья стали приличными людьми, а ты почему-то не стал. Такое случается. Но ничего, перевоспитать человека можно в любом возрасте. Ты повзрослеешь, поумнееешь, а месяц на Европе еще никому не повредил. Вернешься другим человеком.

Я ему сказал, что не хочу быть другим, что хочу оставаться лодырем. А почему нет? Если я буду лодырем, никому от этого плохо не будет...

Отец с горя ушел на балкон. Я – его разочарование.

Мать тоже порадовалась моему распределению. И пустилась в воспоминания, как она в свое время строила телескоп на Альтее и как там было весело: все лопали лапшу из гидропонных водорослей, пели песни...

Ну да, а я буду грызть лед и стучать зубами.

Короче, поддержки внутри семьи я не встретил. Ну ладно, подумал я, покажу я им Европу. Они у меня вздрогнут. Я им всю их гляциологию испорчу! Будут знать!

И лег спать.

А когда проснулся – довольно рано, в шесть, – не теряя времени на разговоры с родителями и долгие проводы, отправился в сторону порта. Шестой док, ангар восемнадцать.

Добирался почти час, но прибыл, кажется, рано. Возле восемнадцатого ангара было тихо. Никакой активности, тишина, будто тут «вату» вокруг распылили. Я побродил вдоль желтого забора, затем подошел к обширным воротам, постучал пальцем. Тишина. Может, они уже улетели без меня? Вдруг случилось такое чудо...

Но для очистки совести я постучал еще раз.

Напрасно я так сделал.

– Ты кто? – спросил через ворота неприветливый голос.

Вопрос подкрепился весьма неприятным пощелкиванием, с каким работают плазменные сварочные аппараты. Мой дядя Леня как-то раз с помощью такого аппарата строил эллинг и по неумению разрядил его в крышу. Так плазма проела и крышу, и катер, и бетонный пол. И мне почему-то казалось, что сейчас такой аппарат нацелен в меня.

К тому же голос показался мне знакомым. Глухим, бархатистым, внушающим смутные подозрения.

- Я на практику. Меня направили.
- Фамилия? – строго спросил голос.
- Павлов, – ответил я.
- Имя?
- Тимофей.
- Задание?
- Какое еще задание, у меня практика...

Пощелкивание прекратилось. Что-то глухо звякнуло, после чего ворота ангара растворились, и передо мной предстала она.

Опасения мои оказались не напрасны. Более того – все оказалось хуже, чем я предполагал. Передо мной стояла не кто иная, как сама Аполлинария Грушневицкая, по прозвищу Груша. Победительница многочисленных олимпиад по биологии, ретро-туристка, особа с аналитическим складом ума, исследовательница, соучредитель и активистка экстремистской организации «Звери как люди», ставящей своей целью роспуск всех зоопарков мира. Еще рассказывали, что Груша своими корнями уходит к древнему племени тибетских горных женщин, которые питались только мясом снежных барсов, спали на снегу и нападали на окрестные селения с целью похищения мужчин для продолжения рода.

На тибетскую горную женщину она походила. Своей нестандартностью. Груша была моей ровесницей, но потому, что она сильно опережала всех в росте и интеллектуальном развитии, училась она на два уровня выше. Чем была весьма горда. По-моему, как раз ее перевоспитывать надо, а не меня... Но ее никто не перевоспитывал. Наверное, потому, что она занималась делом.

Повезло. Вот повезло, дальше не бывает! Ничего ужаснее и представить нельзя. Груша возвышалась надо мной, как гора. Сходство увеличивала странная расцветка ее комбинезона – какая-то горнорудная, под цвет серого гранита. Из-за этой расцветки и от самой Груши несло бесконечной тоской. И вообще она была неприятной. А самое неприятное в ней то, что фигурой своей Груша напоминала одноименный фрукт.

Хотя, если быть совершенно объективным, надо признать, что на лицо Груша вполне ничего. Пожалуй, она даже красива. Но борцовский рост в совокупности с лишними килограммами создавали удручающее впечатление. Так что лицо не помогало.

И еще косички. Из-за ее головы торчали в стороны мелкие мышинные косички, правая с красным бантиком, левая с синим.

- Павлов, – ласково промурлыкала Груша, – вот ты-то мне и нужен, голубчик.

И мне стало страшно. Я подумал, что лучше бы меня сослали на Меркурий. В шахты. Фильтровать плесень. Голыми руками. Груша была хуже всякого профессора.

- Заходи, дружок, – Груша улыбнулась.
- А ты что, тоже... ну, в смысле, на Европу? – осторожно спросил я.
- Я не в смысле на Европу, – грозно сказала Груша. – Я на Европу. А вы вместе со мной.
- С тобой? – поморщился я.
- Со мной. Или ты что-то имеешь против?

Груша придвинулась.

- Я вообще-то... того... Меня в лагерь гляциологов направили на практику...
- Тебя ко мне направили, – прищурилась Груша. – Я твой гляциолог. Будем искать жизнь.

– Где?

– На Европе. Я полагаю, что там есть жизнь. Возможно, даже разумная. И мы ее найдем.

Груша показала мне кулак. Будто именно я являлся главным противником обнаружения разумной жизни на Европе и вообще в космосе. Угораздило, подумал я. Во всех семидесяти восьми исследованных системах не найдено никаких признаков разумной жизни, а Груша хочет найти их здесь, почти под боком.

– Заходи, – сказала Груша. – Брось пожитки в бокс.

Мне почему-то стало не по себе. В бокс заходить совершенно не хотелось. И пожитков у меня не было. Если уж меня записали в гляциологи, то пусть пожитки мне сами предоставляют.

– Ты чего? – с прищуром спросила Груша.

– Ничего...

– Боишься? – В голосе Груши появился сарказм. – Меня?

Еще бы не сарказм – она была выше меня на голову и значительно шире в плечах.

– Боишься, – презрительно констатировала Груша.

– Да не боюсь я ничего!

И я вошел в ангар.

Внутри было почти пусто. Стояла платформа с какими-то железными ящиками-боксами, а больше ничего не было.

– И где же... – Я начал разворачиваться и понял, что попал в ловушку – Груша уже перегородила выход.

Нет, справа и слева от нее оставались еще небольшие пространства, и если дернуться с душой, то можно успеть... Но я решил, что рисковать не стоит.

Путь к отступлению был отрезан. А в руках у Груши появился плазменный сварник. Я не ошибся насчет того неприятного потрескивания.

– Давай проясним обстановку, – дружеским голосом сказала Груша. – А то потом поздно будет.

– Давай... – согласился я.

– Во-первых, научный, административный и всякий прочий руководитель экспедиции – я.

Груша нажала на гашетку сварника. Между электродами проскочила слепящая искра, запахло горелым воздухом.

– Что ты сказал? – спросила она.

– Я говорю – прекрасная идея. С твоим-то опытом...

Идти против системы – одно дело, но идти против такой вот особы... Короче, я не захотел с нашей красавицей связываться.

– Что ты там проямлил?

– Я говорю – ты здорово придумала. А что во-вторых?

– А во-вторых, то же самое, что и во-первых! Мне Майя Ивановна сказала, что ты хороший парень, она тебя мне рекомендовала...

Груша спрятала сварник за пояс.

Ну, спасибо! Спасибо, старший педагог Майя Ивановна Гучковская. Я вам этого никогда не забуду.

– Правда, она сказала, что ты немножко лентяй... – Груша задумчиво поглядела на свой здоровенный кулак. – Немножко лодырь...

– Я не лентяй, – тут же возразил я. – Я просто...

– Вот и хорошо, что ты просто, – перебила меня Груша и распорядилась: – Бери вон те ящики и грузи их на платформу.

«Вот дура!» – подумал я. И стал грузить ящики. Ящики были нетяжелые, но, видимо, научно ценные. Во всяком случае, в них что-то брякало.

Когда в одном из ящиков брякнуло погромче, Груша повернулась в мою сторону.

– Эй, ты! – рыкнула она. – Смотри у меня! Руки оторву!

– Вообще-то меня Тим зовут, – сказал я.

– Тимка, значит. Тимоня... – кивнула Груша. – Это хорошо. У меня так хомячка звали. Мерзкий был хомячишка, пакостный. В руку его возьмешь, а он сначала укусит, потом нагадит, затем снова укусит... Я его – чик-чик!

И она мне подмигнула.

Что означало ее «чик-чик» – выяснять мне совсем не хотелось. Но Тимке я посочувствовал. Любой, попав в руку Груши, на его месте поступил бы так, как поступил он.

– Грузи осторожно, пока я добрая! – прикрикнул научный и прочий руководитель.

Я продолжил погрузку. Сама Груша в работах никакого участия не принимала, громко зевала и бродила по ангару туда-сюда кругами.

Так продолжалось минут десять. Потом со стороны дока послышалось легкомысленное посвистывание – кто-то приближался.

– Приятель твой идет, – хихикнула Груша и снова взялась за сварник. – А ну, бегемотик, отойди-ка в сторонку, щас я его... поприветствую.

Я отошел. А то она еще и меня заодно сгоряча поприветствует.

– Тут кто-нибудь есть? – спросили снаружи.

– Есть-есть, заходи, – пригласила Груша.

В ангар вошел Барков. Я его сразу узнал. Вот по его нечеловеческим ушам.

Барков вошел, огляделся. Скинул на пол небольшой пятнистый рюкзак.

– Ушастик какой... – умиленно прошептала Груша.

– Я не ушастик, – попробовал было возразить Барков.

– Ушастик... – Груша улыбнулась и опустила свой плазморез.

Барков покраснел.

– Меня Петром зовут, – буркнул он.

– Петя... – протянула Груша.

Мне почему-то стало жалко Баркова. Груша смотрела на него, как смотрят на любимого котика. Смотрят, умиляются, бантики завязывают, а когда котику захочется гулять, отводят его к ветеринару и избавляют от проблем. А потом еще больше им умиляются, рубашечки шьют...

– Ты ведь тоже с нами? – ласково спросила Груша.

– Вы на Европу?

– На Европу. Немножечко поработаем. Ты знаешь про Европу?

– Ну... – Барков мялся. – Европа – спутник Юпитера. Серьезных экспедиций не проводилось, стационарная база «Пири», возможно наличие океана...

– А в нем жизнь! – просияла Груша. – В океане! И мы ее найдем! Ты хочешь найти жизнь, Петя?

Барков мрачно кивнул.

А мне хотелось не жизнь найти – мне хотелось смеяться. Но я не осмеливался.

– Мы тут уже... – Груша обвела руками ангар, – грузимся. Всего пара ящичков осталась...

И она легко забросила два оставшихся контейнера на платформу. После чего туда же погрузились мы сами, Груша плюнула через левое плечо, и наша отличная компания отправилась на старт. На самом деле – отличная компания (еще раз спасибо Гучковской Майе Ивановне!): девушка-экскаватор Груша, плюс психически нестабильный Барков со станции «Блэйк», который со своими родителями неизвестно что сделал и всю жизнь прожил в феодализме, да принципиальный лодырь – я, Тимофей Павлов.

Фанатичка, параноик и лодырь. Да...

Почти полчаса мы блуждали среди старых доков, заполненных полураспиленными клиперами, ржавыми баржами вековой давности и другой рухлядью, которую не успели утилизировать. Я уж с надеждой подумал, что мы заблудились. Однако такого счастья тоже не случилось.

Миновав длинную гору, нет, даже целый хребет каких-то совершенно непонятных обломков и обрезков, и чуть не врезавшись в гнилую цистерну, платформа остановилась.

– Вот он! – с непонятной мне гордостью объявила Груша. – Наш корабль.

Я хотел засмеяться, но вовремя спохватился.

«Валендра». Не знаю, кто придумал такое имя для корабля, но оно ему вполне соответствовало. «Валендра» была даже не посудиною – она была настоящей лоханью. То ли полуклипер, то ли буксир, трудно сказать. Скорее всего, прогулочная яхта. По форме она походила на лежащий на боку пузатый пузырек. Однако одной пузырьковой формой оригинальность нашего судна не ограничивалась. Оригинальностей хватало. Внешний керамик кое-где отслоился, и из-под него виднелся ржавый корпус, а в некоторых местах я даже заклепки разглядел. Но лучше бы он отслоился совсем. Потому что в тех местах, где он не отслоился, имелась роспись. Самодельного происхождения. Ничто во всем мире не могло быть ужасней той росписи: по желтому пластику прыгали умильные коттики, щеночки, белочки, крокодильчики, зайчики и другие столь же жизнерадостные твари. Нарисованы все они были без всяких затей, просто, в стиле раннего примитивизма. Распылителем. И я даже подозревал, чьих рук это было дело. Но подозрения свои предусмотрительно оставил при себе.

Но самым позорным в нашем корабле была не форма и не расцветка. Самым позорным были треугольные фальшь-рули, приспособленные на корму. Они придавали «Валендре» законченно идиотический вид. Такие ракеты рисуют в своих альбомчиках дошколята. Хотя рули, наверное, приделали все-таки раньше, еще до Груши, для какого-нибудь детского праздника или карнавала. А может, детсад какой в лунный зоопарк вывозили, кто его знает. Потом корабль списали и отдали Груше.

– Я сама его восстановила, – похвасталась Груша.

– Чудесный корабль, – серьезно сказал я.

– Да-да, – быстро согласился Барков. – А на нем во внешний космос можно?

– Конечно, можно, – заверила Груша. – Только кто тебя туда без навигационной лицензии пустит?

– Оно верно... А кто у нас системным пилотом будет?

Тут Груша надулась еще пуще, расправила плечи и даже вроде еще выше стала. Я испугался в очередной раз.

– У тебя есть допуск? – удивился Барков.

– Разумеется, есть. У меня второй класс. До Европы дойдем только так.

Но я что-то сильно сомневался. Сомневался, что такая вот рухлядь вообще оторвется от Земли. Да она же развалится при старте, даже без приборов видно!

– Это полностью моя экспедиция, – продолжала важничать Груша. – Корабль мой, и я сама его пилотирую. Получено научное согласование с Академией, исследование включено в текущий план работ, научным руководителем сам Хопот выступает.

– Ого, сам Хобот! – восхитился я.

– Хопот, – нервно поправила Груша, – известный экзомикробиолог.

– Ну да, именно экзомикробиолог... А в честь кого корабль назван? Название такое странное...

– В честь одной... Поменьше спрашивай, побольше работай.

– Хорошо-хорошо, – согласно закивал я. – Просто редко кто сейчас так корабли называет. «Чучундра»... Конечно, что-то тут такое есть...

Барков хихикнул. Груша взглянула на него с обидой, а потом подступила ко мне.

– Его зовут «Валендра»! – Груша сунула мне под нос кулак. – «Валендра», а никакая не «Чучундра»!

– Понятно-понятно... – опять согласился я.

– Ты поменьше умничай, Тимоня! Я этого не люблю. Помни про хомячка.

– Я помню.

– Грузи боксы!

Груша скрипнула пальцами.

Я осторожно, чтобы не развалилась от дуновения ветра, приблизился к «Валендре», отыскал люк, открыл и принялся составлять в него ящики. Барков сунулся было мне помочь, но Груша не позволила:

– Ты, Петя, пойдешь со мной. Надо там закрепить оборудование.

Барков испуганно поглядел на меня. Я пожал плечами.

– Одной мне не справиться, – Груша поглядела на Баркова с особой пристальностью.

Барков сник. Груша свистнула.

Из-под днища «Валендры» выдвинулся старомодный трап в виде лесенки, и Груша ловко полезла по нему вверх. Барков за ней. Я остался один.

Мое наказание приобретало гротескные, даже сюрреалистические формы. Через несколько минут я отправлялся в поход на самую загадочную луну Юпитера. Причем в сопровождении борца в юбке и странного Ушастика. На столетнем корабле с сомнительным названием «Валендра». Разукрашенном беспощадной рукой вышеуказанного борца.

Я закинул последний ящик, задраил люк. Отметил, что задраивается он хорошо – в пазы входит идеально, молекулярная застежка работает незаметно. Может быть, «Валендра» не так плоха, как выглядит? Все-таки Груша, наверное, на самом деле неплохой инженер. Недаром же ей дали допуск на системные полеты. Если она его, конечно, не подделала.

И почему обязательно Груша? Почему именно она занимается научными исследованиями? Почему этими исследованиями не занимается какая-нибудь другая, приличная девчонка? Хотя приличные девчонки тоже занимаются, просто мне так уж «повезло»...

А все Гучковская! И чего она меня так невзлюбила? Я вроде бы ничего плохого ей не сделал...

– Ты что там торчишь? – высунулась из входного люка начальница. – Давай поднимайся, через десять минут коридор откроется.

– Я воздухом дышу...

– На Европе надышишься!

Я окинул тоскливым взглядом Землю. Собственно, Землю не было видно, только доки с корабельной рухлядью, а я бы предпочел сейчас иметь перед глазами что-нибудь более подходящее для такого случая – какие-нибудь леса-поля, скажем. Человек уходит в космос, и неизвестно, вернется ли он обратно, а тут какие-то руины...

Вообще-то я не люблю космос. Большинство ребят просто жить без него не могут, а я вот не люблю. Ничего интересного там нет, одна пустота. Нет, конечно, Заря – неплохая планета, все, кто там был, рассказывают, что рай просто. Но до Зари далеко, а места на кораблях распределяются только между социально полезными лицами, туристы там редкость. Вот родители мои на Заре бывали, а меня дальше Венеры не заносило.

Венера – просто жуть. Космическая Мексика, только кактусы не растут. Даже не Мексика, еще глуше. Как-то раз весь наш уровень в мексиканскую пустыню Атакама возили с экскурсионными целями, так Венера – в пять раз хуже. Кто-то сказал, что Венера похожа на обглоданную кость. Вот уж точно.

А Европа похожа на снежок. Мы на астрографии ее так и называли – Снежок.

– Хватит мечтать! – рыкнула Груша.

Я перестал мечтать и полез вверх.

Корабль меня не разочаровал, внутри был не менее маразматичен, чем снаружи. Места в «бутылочных» кораблях не очень много. Насколько я помнил, существовало всего две модификации – трехместная и пятиместная. «Валендра» оказалась трехместной яхтой, предназначенной для туристических перелетов внутри системы. Ну и до ближних рубежей тоже.

Я преодолел тесный шлюз и оказался в коридоре. Он тянулся вдоль правого борта, а вдоль левого борта располагались каюты. Три штуки. Сразу за каютами была рубка, а в корме багажное отделение.

Коридор меня ужаснул. Во-первых, он был выкрашен розовым. А во-вторых, было еще хуже – по розовому цвету мелким и каким-то квадратным почерком были написаны стихи. Сначала я подумал, что стихи Грушины, но, вчитавшись, узнал «Карнавал» Михаила Юрьевича Лермонтова и понял, что все гораздо серьезнее. Нет, я, конечно, Михаила Юрьевича уважаю, но...

Короче, что-то во всем этом было ненормальное. Интересно, как Груша проходит медкомиссию с такими особенностями? Завезет нас неизвестно куда, сунет в руки по ультразвуковому лому, и будем мы там рыть какой-нибудь тоннель. Или возводить монумент. Скажем, той самой загадочной Валендре, в чью честь названа наша старая калоша.

Из-под потолка послышался голос Груши:

– Дорогие пассажиры! Займите свои места по штатному расписанию, через четыре минуты наш корабль отправляется в полет.

И в качестве добавки:

– Тимоня, черепашка моя, быстро в рубку! Размажет по стенкам – я соскребать не буду!

Я представил свои выжатые внутренности рядом с бессмертными строками: «Несчастье будет с вами в эту ночь...» – и поспешил в рубку.

Барков уже был там – сидел смирно в крайнем правом кресле. Мне издали даже показалось, что он вроде как пребывает в бессознательном состоянии. Вообще-то, честно говоря, я не сразу разглядел Баркова, а первым делом заметил маленького утконоса, свисающего мордой вниз с потолка. Чучело! Утконос покачивался в струях воздуха из кондиционера и блестел глазами. Как, интересно, Груша тут собирается осуществлять навигацию? Ведь сушеная полувыдра чуть не половину экрана перекрывает...

Я ткнул утконоса пальцем в нос. Он оказался на удивление упругим.

– Твой, что ли? – спросил Баркова.

– Не, Лины.

Оказывается, сокращенное от Аполлинарии – Лина. Интересно, а мне ее так можно называть? Нет, мне, наверное, нельзя...

– И зачем тут сушеный недозверь нужен? – задал я вполне логичный вопрос.

– Не знаю, – осторожно сказал Барков. – Может, для того, чтобы сглаз отваживать?

– Что отваживать? – не понял я.

– Сглаз.

– Что такое «сглаз»? – снова не понял я.

– Сглаз – это когда к тебе неудачи привязываются, – пояснил Барков. – Видимо, Лина увлекается мистикой. А может, и нет.

– Чем?

– Мистикой. Если хочешь, я расскажу...

Рассказать Барков не успел – в рубку протиснулась обладательница мумифицированного яйцекладущего млекопитающего. Интересно, что у них на «Блэйке» произошло, если Барков знает про какие-то там сглазы? Я вот не знаю. Надо будет как-нибудь расспросить его поподробнее.

Груша с трудом уместилась в центральном кресле и приняла шкиперский вид. Наверное, сейчас толканет какую-нибудь затертую космическую присказку, типа «спокойной плазмы», или «семь футов под килем», или даже «порвем пространство на британский флаг»...

И Груша меня не подвела.

– Ну что, покойнички, полетели? – спросила она и, не дожидаясь ответа, активизировала автопилот.

Здорово! «Ну что, покойнички, полетели?» Если верить легенде, именно так сказал легкомысленный капитан «Королевы Мэри», после чего круизер исчез где-то в районе Синей Колыбели. Вместе с двумя тысячами пассажиров.

Завыли насосы, со всех сторон в рубку потекла густая розовая субстанция.

– Что это?! – дернулся Барков.

– Ничего страшного, – успокоила Груша, – просто амортизационная жидкость. Неудобства временные, только на период первичного ускорения. Вы быстро привыкнете.

Груша премило поморгала, достала баллончик и вбрызнула в глаза жидкие линзы.

– Дай мне... – потянулся было и я, но Груша баллончик спрятала.

– Она прибывает, – сообщил сбоку Барков.

Розовые сопли действительно прибывали с угрожающей скоростью. Они были холодные, неприятные и добрались мне уже до подбородка.

– Корыто... – ругнулся я. – Чтоб это корыто провалилось...

Я захлебнулся.

С подобными устройствами я дела еще не имел, однако знал, что тут главное не дергаться и не задерживать дыхание, а то очень неприятно утонешь. А надо утонуть приятно. Поэтому я смело вздохнул и задышал – амортизационные сопля были насыщены кислородом, в них можно было не то что дышать, в них можно даже жить. По вкусу они напоминали клюквенный кисель, и питательность примерно такая же.

Справа от меня уверенно работала с сенсорным пультом Груша, а еще правее извивался Барков – пытался задержать дыхание. Но пытался недолго – Груша не глядя стукнула его кулаком в грудь, и Барков вздохнул.

Сопля заполнили всю рубку, нос корабля стал задираться, нацеливаясь в небо. Скоро он задрался окончательно, пошел обратный отсчет. Когда приятный механический голос произнес «зеро», «Чучундра»... пардон, «Валендра» рванула вверх.

Мы пропороли атмосферу, пропороли все орбиты и прыгнули к Луне. Причем почти в нее воткнулись – автопилот переложил курс буквально секунды за две, «Чучундра» пронеслась над пятнистыми кратерными просторами. Наконец мы вышли в космос.

Двигатели умолкли, под ногами чавкнуло, и сопля стали убывать.

Идем на Европу.

Глава 3

Поцелуй кувалды

Это так только красиво называется – гляциология.

Вроде как название благородное и что-то за ним такое есть, вроде как наука. На самом деле гляциология оказалась удивительно муторным и чрезвычайно скучным занятием.

На следующий день после прибытия, не дав ни вздохнуть, ни оглядеться, нас отправили на работу. Провели к лифтам и опустили в тусклые ледяные глубины Европы. Ни самой Европы, ни Юпитера мы не увидели. Зато увидели скучный стандартный холл, заставленный пластиковыми боксами, со множеством дверей и небольшим количеством людей, деловито снующих туда-сюда.

Один из людей, здоровенный широкоплечий бородатый мужик, подошел к нам.

– Карасюк – руководитель станции «Пири», – представила нам великана Груша.

– Здравствуй, Полечка, – улыбнулся Карасюк. – Это твои человеки?

– Это мои землеройки, – подтвердила гадкая Полечка.

Карасюк протянул ей руку и пожал. Потом и нам тоже пожал. Подковы бы ему гнуть, а не руки жать.

– Ты тут, Полечка, сама, пожалуй, разбирайся, – сказал Карасюк. – У меня дел много, орбита гуляет. Выбирайте любые каюты, берите любое оборудование на складе, а меня не отвлекайте. Договорились?

– Договорились, Карасюк.

– На сколько прилетели?

– Ненадолго. Так, на пару месяцев.

Вот уж что мне совсем не понравилось. Провести два месяца в ледяном санатории не входило в мои планы. Но виду я не подал. Там посмотрим.

– Это и есть Европа? – недоуменно спросил Барков, оглядываясь по сторонам.

– Европа там, – начальник гляциологов Карасюк указал пальцем в потолок. – А тут у нас не Европа, у нас тут...

И он сказал слово, которое употреблять в обществе не дозволено. Произнеся его, Карасюк от души расхохотался. И Груша рассмеялась. И я вдруг представил, как Груша с Карасюком сидят где-нибудь в буфете оперного театра и смачно и с удовольствием употребляют это и другие не очень приличные слова. Не знаю, с чего вдруг у меня возникло такое видение.

– Да, ребята, Европа и есть, – уже по-нормальному объяснил Карасюк. – Гляциологическая станция. От нас до поверхности почти полкилометра, и еще километр до океана. – Здоровяк указал пальцем в пол. – До океана мы еще не дошли, но через три года дойдем. И тогда... – Карасюк мечтательно закатил глаза.

А я никакого энтузиазма по поводу океана Европы не испытывал. Ну, добурятся они до океана, отыщут там каких-нибудь своих инфузорий. Назовут их своими именами, напишут книжки и будут думать, что осчастливили человечество.

В моем воображении возникла омерзительного вида микроскопическая сороконожка с большими глупыми глазами и толстым пузом. Сороконожка барахталась в реликтовом бульоне, пожирала других таких же сороконожек и носила громкое и гордое имя «*Apollinarius Imbecillus*».

И дальше что? Дальше скукота, хоть в лед живьем зарывайся.

– А пока мы пробиваем горизонтальные штреки, – вернул меня в макромир Карасюк. – Ладно, Полечка, мне пора.

Начальник станции с удовольствием пожал нам руки еще разок, после чего куда-то убежал.

– Пойдем каюты себе поищем? – робко предложил я.

– Пойдем поработаем, – скрежетнула Груша. – В раздевалку! Насекомые...

Мы переоделись в универсальные комбинезоны, подогнанные по нашему размеру железными прищепками, спустились еще на несколько этажей и оказались в довольно широкой ледяной пещере. С потолка ее свешивались старомодные жестяные светильники с ультрасовременными вечными лампами, а под ногами тянулись рельсы. Настоящие рельсы, прямо как в ретропарке! На рельсах стояла колесная повозка с ручным приводом. Похожая на железную телегу.

– А почему нет мотора? – спросил Барков.

– В штреках нет никаких моторов, – ответила Груша. – Никаких моторов, никакого электричества. Чтобы не погубить здешние хрупкие микроорганизмы.

– А это что? – Я кивнул на телегу.

– Это называется «коза», – пояснила Груша. – Садитесь на нее, беритесь за ручку и вперед до конца. Потом обратно. Ну, вперед, быстро!

«Вперед до конца» оказалось почти три километра. И везли мы с Барковым отнюдь не балерину.

Наконец рельсы кончились, и мы остановились. Вдоль стен располагались боксы с оборудованием, нары, столы, стулья, ящики с какими-то первобытными инструментами.

– Повторяю: здесь нельзя использовать никаких механических устройств, – пояснила Груша. – Настоящий гляциолог работает прежде всего руками. И еще кое-чем.

Груша выразительно постучала себя по голове и вручила нам орудия труда.

Мне досталась довольно толстая железная палка, чуть сплюснутая на одном конце и четырехгранно заостренная на другом. Палка походила на копьё. Не берусь утверждать точно, но, мне кажется, звалась она ломом. Слово «лом» происходило от глагола «ломать». Впрочем, могло быть и наоборот – глагол «ломать» мог происходить от названия инструмента. Ломом надо было ломать. Или ломить. Короче, крушить и разваливать. Лом очень шел Груше, а мне лом совершенно не понравился.

Баркову повезло, ему достался более интеллектуальный инструмент – бур. Такая штука с длинной поперечной ручкой, на которую надо было налегать всем телом.

Название и назначение бура я знал неплохо, поскольку в начальных классах мы изучали подобные устройства на уроках физики. Архимед и другие древние греки обожали что-то бурить. Барков на Архимеда походил не очень сильно, но, видимо, в ближайшее время бурить ему придется немало.

– Объясняю задачу. Вы идете вон к той стене... – заговорила Груша и указала на ледяную стену в конце туннеля. – Ты, Петя, буришь три пробы и складываешь их вон в тот ящик. После чего ты, – Груша больно ткнула пальцем мне в грудь, – берешь лом и скалываешь несколько метров льда. После чего опять бурите. Все просто. Если ты не сможешь работать ломом, то вон там лежат кирки, ими тоже можно рубить. Все понятно?

– Почти, – сказал я. – Непонятно, что в данном раскладе делаешь ты?

– Я – научный работник, – высокомерно заявила Груша. – Я анализирую.

– Я тоже прекрасный анализатор... – попытался было дернуться я, но Груша пресекла мою инициативу:

– Берешь лом – и лупишь им в стену! Вперед!

Я взял лом.

И весь день я проклинал все. Себя. Европу. Современную гляциологию. Научных работников. Но больше всего я проклинал Майю Ивановну Гучковскую, отправившую меня перевоспитываться в ледяные копи.

На третий день работы я, к собственному своему отвращению, приобрел определенную сноровку в работе с ломом – мог с первого удара отколоть от стены изрядный пласт. Но от обретения той сноровки у меня просто отваливались руки и ныли от напряжения колени. И душа протестовала.

Барков чувствовал себя не лучше. От бура у него на плечах и груди образовался прямоугольный синяк, и Петр со своим синяком отправился в медпункт. А там ему прописали... всего лишь свинцовую примочку.

Только Груше было хорошо. Она смотрела в микроскоп, искала бактерии и мечтала о подледной жизни.

Так прошло пять дней. Самых худших пять дней в моей жизни. Так я тогда думал. Если бы я знал, что совсем скоро начнется такое... Если бы я знал, я бы вцепился в тот лом, вцепился бы в те ледяные стены, и даже могучий Карасюк не выковырял бы меня на поверхность. Но кто может предвидеть будущее...

В субботу Груша сказала:

– Завтра у вас ответственный день.

– Какой-какой день? – насторожился я. А про себя так и представил: день повышенной выработки... день сиреневой отбивной котлеты... день термодинамики...

– Вам следует хорошенько выспаться, – продолжала Груша. – Завтра вас будут принимать в гляциологи.

– Зачем?

– Затем. Так велит обычай. Не волнуйтесь, больно не будет. Почти.

И улыбнулась улыбкой, ничего хорошего не предвещающей. Я даже икнул.

Вечером ко мне заглянул Барков. Он был тоже не в настроении. Уселся на мою койку и сразу спросил:

– Как ты думаешь, что все это значит?

– Что?

– Ну, как будет выглядеть прием в гляциологи?

Я немножко подумал и ответил:

– Ничего страшного. Сначала мы будем пить кровь...

– Какую кровь?

– Какую-какую... Консервированную. Таков старый обычай гляциологов. Груша пробежится в санчасть, залезет в холодильник и достанет там замороженную кровь. И мы будем ее грызть.

– Ты же говорил, что пить, – напомнил Барков.

– Мы же гляциологи! Мы ее грызть будем. А когда сгрызем кровь, будем нырять в прорубь.

– Во что?

– В прорубь. Тут в одном из туннелей прорубь, но не в океан, а в водяной пузырь во льду.

В него и надо будет нырнуть.

Барков помрачнел. Ему явно не хотелось нырять в пузырь.

– Ну а после уже все просто, ерунда настоящая. Надо отрезать себе мизинец – и все.

Я показал Баркову мизинец.

Тут, конечно, Барков уже все понял.

– Иронизируешь, – сказал он.

– Иронизирую, – согласился я.

Но я почти угадал. Крови, конечно, не было. Ни мороженой, ни какой другой вообще. И палец отрезать не пришлось. А вот кувалда неприятно дымилась холодом.

Карасюк был могучим человеком и настоящим гляциологом. Он обладал целым букетом невиданных качеств, чудных привычек и странных достоинств. Такого человека я вообще раньше не встречал.

Во-первых, Карасюк курил. В своей жизни я пока не видел людей, которые бы курили. В наши дни даже трубки уже не курят, а Карасюк курил самодельные папиросы.

Во-вторых, он обожал гиревой спорт. Кто в наши дни увлекается гиревым спортом? Никто. А Карасюк увлекался. Каждый день он с утра жонглировал гирями. Причем с таким усердием, что тряслась вся Европа, а с полюсов срывались айсберги и падали на Юпитер.

Кроме того, Карасюк пел под гитарный аккомпанемент песни собственного сочинения. Честно говоря, дрянные. В каждой песне обязательно имелись костер, горы, романтика героических будней, ну и так далее. Мелодии были тоже однообразно утомительны. Мне не нравились. И Баркову тоже не нравились. А вот Груше нравились.

Еще Карасюк разговаривал слишком громким голосом. Так же громко смеялся и обожал похлопывать всех по плечу.

Видимо, данные качества были возвращены в Карасюке удаленностью от Земли и особенностями профессии. Кстати, остальные гляциологи от своего предводителя не отставали. Тоже курили, подбрасывали гири, играли на гитарах и носили свитера грубой вязки.

Я глядел на них и думал, что мне в жизни очень повезло – я не стал гляциологом, а стал лодырем.

Кстати, Барков (без моего участия и согласия) заглянул в личное дело руководителя станции и сообщил, что, оказывается, Карасюк является не только старожилом Европы и старейшим мерзлотником Земли, но уже шесть лет вообще не покидал спутник Юпитера. Он живет тут, работает тут, женился тут. И даже дети его – Варя и Кирилл – тоже живут на Европе, правда, на Землю вылетают регулярно. Когда ему указывают, что не стоит злоупотреблять даже ближним космосом, Карасюк отвечает, что для него Европа – дом родной и лучшее место во Вселенной.

А теперь этот двухметровый патриот Европы стоял перед нами, курил свою страшную папиросину и раскачивал дымящуюся намороженную кувалду.

Процедура посвящения в гляциологи выглядела следующим образом: сначала мы должны были выпить антифриза, затем поцеловать кувалду, после чего выкурить длинную папиросу.

Я всеми силами пытался от посвящения отделаться. Мне вообще не хотелось быть гляциологом, это противоречило моим принципам. Но Груша недвусмысленно намекнула, что тот, кто не пройдет процедуру посвящения, будет лично ею связан и оставлен в каюте. В результате чего уклонист пропустит рейс на Землю. И придется ему торчать на Европе еще месяц. Так что с посвящением мы с Барковым вынуждены были смириться.

Антифриз мы выпили. Не скажу, чтобы он отличался высокими вкусовыми качествами, но все же проглотить жидкость пришлось – под одобрительные возгласы окружающих нас старых глетчерных волков. Химической бомбой антифриз опустился в желудок. Барков громко икнул.

– А ребята настоящие гляциологи, – сказал кто-то сбоку.

Все засмеялись.

– Теперь кувалда, – мрачно сказала Груша.

– Может, без кувалды обойдемся? – спросил кто-то. – Кувалда – для опытных, а ребята еще не очень...

– С кувалдой, – безапелляционно отрезала Груша. – Только с кувалдой!

– Ну, с кувалдой так с кувалдой, – вздохнул Карасюк.

Он снял ее со своего плеча и привесил к потолочной лампе за длинную веревку, привязанную к ручке. После чего легким движением плеча толкнул молот.

Орудие принялось раскачиваться с угрожающе широкой амплитудой.

– Как ее целовать-то? – испуганно спросил Барков. – Она же...

– Придется поцеловать, – сощурилась Груша. – Давай, Тимоня, ты первый.

– Почему я?

– Потому, – кровожадно улыбнулась Груша. – Тебе выпала честь.

И она подтолкнула меня в спину. Я сделал шаг к кувалде.

Честно говоря, мне совершенно не хотелось вступать с кувалдой в какие-либо отношения, тем более в такие лирические. Однако, судя по всему, выбора особого не было.

– Проторчишь тут все лето! – прошипела сзади Груша.

Я на самое максимальное расстояние выставил перед собой губы. Ну, чтобы было не очень больно. Кувалда вошла в контакт.

Почувствовал, как треснул и раскололся передний зуб. В общем-то, мелочь, зуб я восстановлю. Гораздо неприятнее было то, что я прилип к замороженному металлу, прицепился, как заглотивший мормышку окунь, повис, как сопля на морозе.

Груша очень смеялась. Барков пытался мне помочь, но Груша зыркнула на него тяжелым взглядом, и Барков отступился.

Кувалда, точно маятник, выписывала в воздухе дуги, и я болтался за ней. Вцепившись еще и руками – чтобы она не оторвала мне по случаю губы.

Выручил меня Карасюк. Он остановил своей могучей рукой молот, затем шелкнул пальцами, и кто-то сунул ему в руку чашку горячего какао. Карасюк вылил его на кувалду, и я отлип, свалившись на пол, как опавший лист сакуры.

– Теперь Петруха, – сказал Карасюк.

Карасюк запустил свою машину смерти, и Барков приступил к процедуре.

С ним кувалда обошлась милостивее. Он не прилип к ней. Она как-то легко чмокнула его и отскочила в сторону. То ли Барков был более искушен в подобных вопросах, то ли ему просто повезло. Одним словом, он не пострадал.

Груша захлопала в ладоши. Я поглядел в ее сторону. Она стояла у стены. К моему удивлению, Груша тоже курила. Такую же самодельную папиросу. С явным удовольствием причем курила.

– Поздравляю! – громко сказал Карасюк. – Теперь следующий этап.

Карасюк шелкнул языком. Груша шагнула к нам, поглядела оценивающе и сунула в зубы по длиннющей толстой папиресе, свернутой из оберточной бумаги.

– Мох с Европы, – прокомментировала она. – Карасюк его сам выращивает. Настоящий мерзлотный табак. Курите, засранцы!

Я не понял, кем она нас обозвала. Видимо, последнее слово тоже было из словаря настоящих гляциологов. Грушаostroила угрюмое выражение лица, а Карасюк распалил плазменную горелку.

Мы с Барковым подожгли папиросы, затянулись. У меня перехватило дыхание, а глаза чуть не выскочили. Легкие свернулись и долго не могли развернуться, пока Карасюк не подошел ко мне и не влупил по спине своей мощной ладонью. Тогда я выдохнул горячую дымную струю. У Баркова сразу выдохнуть не получилось, и Карасюку пришлось стукнуть его два раза.

– Теперь легче будет, – успокоила Груша.

На самом деле, вторая затяжка уже не вызвала таких спазмов, как первая. Гляциологи смотрели на нас с одобрением. Видимо, курение папирос входило в стандартную программу гляциологического бытия. Или скрашивало его, то самое бытие.

– До конца должны докурить, пеструшки! – распоряжалась Груша. – До конца!

Пришлось докуривать гадость. Не скажу, что было приятно. Вообще, посвящение в мерзлотники оказалось бессмысленной и бесполезной процедурой. Физические муки, впрочем, как оказалось, подошли к концу. Зато начались муки душевные.

– Теперь гимн, – заявил Карасюк и выхватил из-за спины неожиданную гитару.
И все запели.

Сам гимн я не очень запомнил – очень тошнило и кружилась голова. Но самое интересное – я тоже что-то пел. Передо мной медленно вращалось крупное лицо Груши, а в голове вертелись простые, но берущие за душу, мужественные слова: «Крепись, гляциолог, держись, гляциолог...»

Мы проорали гимн два раза, после чего Груша смилостивилась и отпустила нас.

Барков, пошатываясь, отправился к себе, а я задержался зачем-то на полпути. Наверное, мне захотелось какао, спасительного напитка, точно не помню. Я отправился обратно и едва не наткнулся на Грушу и Карасюка. Они стояли в коридоре и громко разговаривали. Так громко, что даже издали я все услышал. Совершенно случайно. Абсолютно и совершенно случайно получилось!

Сначала они рассуждали о дальних перспективах их деятельности – обсуждали, как будет хорошо, когда они добурятся до океана и найдут жизнь. Ну а потом перешли к перспективам краткосрочным. Про нас с Барковым они не говорили, однако по некоторым признакам у меня сложилось впечатление, что Груша собирается проторчать на Европе долго. До самой осени. И, само собой, ей понадобятся помощники. Чтобы работать ломом и буром.

Мне очень скучно стало. Очень. Я даже про какао забыл. Побрел понуро в свою конуру, кинулся в койку.

Однако после антифриза не спалось. Внутри все горело и пучилось. И после кувалды мне не спалось – язык вылезал изо рта, и все время хотелось его выплюнуть. К тому же язык болел. Да и папироса на меня не очень хорошо подействовала – голова кружилась и кружилась. И еще мысли были мрачные. Не выходил у меня из головы энтузиазм Груши, которая собиралась проторчать здесь еще месяц. Не нашла, видите ли, своих бактерий! Она не нашла бактерий, а мне в их ледовых рудниках погибаться? Нет, такая перспектива мне совсем не улыбается, у меня впереди законные каникулы. И мне их хочется провести в каком-нибудь более теплом месте. И вообще, я уже перевоспитался трудом, теперь я профессиональный гляциолог, осталось только татуировку сделать.

Интересно, у Груши есть татуировка?

Я крутился в койке, маялся и маялся. Ничто не помогало. Тогда я включил проекцию дождя на ночном балтийском пляже. Однако даже дождь не помогал, а скорее наоборот – каждая капля била по голове, как дурацкая кувалда. И я решил прогуляться. Так, побродить по ночным «кишкам» станции.

Выглянул в коридор. И тут же увидел Баркова.

Барков стоял у стены и смотрел на часы на стене. Часы светились загадочным синим светом. Я даже подумал, что Барков впал в каталепсию, но он потряс головой и направился в сторону Центра управления комплексом «Пири».

Я за ним.

Честно говоря, сначала я подумал, что Барков лунатик. Что процедура посвящения на него не очень хорошо подействовала, вот он и загулял. Но очень скоро я понял, что лунатизмом тут и не пахнет. Потому что Барков останавливался возле каждого встречных часов, глядел на них и явно что-то прикидывал.

Я следовал за ним на расстоянии и прятался за углами. Впрочем, Барков был погружен в думы и меня не замечал совсем. Судя по всему, направлялся он именно к Центру управления.

Точно, к Центру. Барков остановился перед входом и снова поглядел на часы над дверями. Опаздывает куда, что ли?

Барков кивнул сам себе и прислонился к стене, будто плохо ему стало.

А потом случилась чрезвычайно странная вещь. Барков сунул руку в карман и достал маленькую красную коробочку. Встряхнул ее, сдвинул крышку и выудил двумя пальцами такую же красную капсулу.

Я наблюдал.

Барков зажал капсулу зубами, раздавил и проглотил.

Он что, больной? Зачем ему какие-то таблетки...

А Барков вдруг исчез!

Я чуть не ойкнул вслух. Никогда не слыхал про подобные штуки. Какой-то модификатор оптической плотности, наверное, что-то из арсенала черных егерей...

Я не знал, что делать, смотрел просто.

Центр управления был пуст – через прозрачные двери было видно. Автоматика у нас работает без сбоев, поэтому никто никогда по ночам не дежурит. Но вход закрыт. Так, старинный порядок безопасности, защита от дураков.

Зачем Барков растворился? Пройти внутрь хотел? Но зачем?

Кресло за ближайшим пультом крутанулось, кто-то его толкнул...

От удивления я, наверное, позеленел.

Ай да пилюля! Ай да черные егеря! Она модифицирует не только оптическую плотность, но еще и все остальные показатели модифицирует! Автоматика дверей реагирует на теплоту тела, на сердцебиение, даже на вес, а Барков не просто исчез из виду, он еще из остального мира исчез. И прошел сквозь стену.

Шевельнулись еще несколько кресел, Барков явно пробирался к главному терминалу. Центр управления на «Пири» небольшой, архитектуры стандартной, как везде. Круглый потолок из прозрачного пластика – на самом деле экран, как в планетарии, а вокруг галерея. На нее я и поспешил, главный терминал просматривается только оттуда.

Барков сидел за центральным пультом. Самого его было не видно, но монитор, который надевали на голову, сказочным образом висел в воздухе.

Зачем ему это нужно? Если интересно, можно ведь днем прийти, никто слова не скажет...

Может, он хочет устроить столкновение кораблей? Для чего? Да и невозможно... Что же тогда его в компьютере интересует?

А вдруг Барков антропофоб? Вдруг он ненавидит людей и планирует поднять восстание роботов?

Только какие на Европе роботы... Хотя роботы могут быть не на Европе, а на одном из кораблей. Барков их активизирует, они вырвутся на свободу и... И ничего не произойдет. Восстание роботов поднять нельзя. Я едва не рассмеялся собственной глупости. Вот ведь чушь лезет в голову.

Больше никаких идей относительно странной барковской деятельности у меня не было.

Монитор висел в воздухе минут десять, затем вернулся на пульт. Видимо, Барков узнал все, что ему было нужно. И направился к выходу, что было видно по крутящимся креслам.

Тайна! Первый раз в жизни я столкнулся с Тайной. В голове тут же пронеслись картинки: многочисленные секретные коридоры, загадочные шифры, плащи, кинжалы и другая фантастическая беллетристика. Мне стало жутко интересно. Просто жутчайше. Так интересно, что у меня даже в носу защекотало! Барков что-то задумал. Тайное. Возможно...

И тут я понял. Барков тоже хочет отсюда удрать. Куда подальше.

А Барков хочет удрать на Землю, он смотрел расписание стартов. Или на дальние рубежи. Хочет потихоньку пробраться на борт и так же потихоньку слинять. Скажем, на Зарю. С Европы ведь стартуют грузовики на Зарю, тут наверху есть грузовой порт, кажется...

Хм, с такими пилюлями Баркову на любой грузовик пробраться ничего не стоит.

Я выждал минут пять и спустился вниз. Дверь в Центр управления была открыта – автоматика сбила, видимо, проход через стену на нее не очень хорошо повлиял.

А почему тогда Барков мне не сказал про то, что собирается сбежать?

Ну да, понятно... Мы же с ним не друзья, не приятели, так... недавно знакомы. А все ребята с «Блэйка» подозрительные и недоверчивые...

Хочет удрать с Европы?

Я тоже.

Хоть куда, главное – подальше отсюда. Подальше от Груши. Пусть сама ломом машет, она девушка здоровая.

Глава 4

Отрыв

Воскресенье было у нас рабочим днем. А сегодня даже хуже. Груша погнала нас в свои пещеры раньше на целый час, мотивировав тем, что надо интенсифицировать поиски. Мы ищем-ищем, а найти ничего не можем, не даются бактерии в руки, хоть тресни.

Ее заявление не улучшило мне настроения. Косвенно оно подтверждало услышанное мною вчера – коварная Груша планирует запереть нас тут надолго.

Весь день мы махали тяжелым железом в ледяных гротах, к вечеру мне хотелось упасть и уснуть, но Груша была полна сил. И потащила нас в кают-компанию, где два часа мы пели хором под гитару гляциологические песни, пили густой кофе и занимались армрестлингом. Я чуть не помер от всего этого. И от скуки.

Вернулся к себе в каюту уже в девять часов по времени комплекса «Пири», уселся на койку и едва не уснул, даже несмотря на кофе.

Но спать было нельзя, надо было караулить. Поэтому я хорошенько натер себе уши и приготовился к ожиданию.

Ожидание получилось долгим, шаги по коридору прошлепали лишь через четыре часа – Барков дождался, пока все уснут. Я осторожно выглянул в коридор.

Ну конечно же! Точно он, Барков. С рюкзаком, в комбинезоне, на пояском ремне болтается стеклянный пузырь шлема. Шагал Петр в направлении лифтов. Я оказался прав.

У меня никакого рюкзака не было, и я отправился за Барковым налегке. Как на Европу.

Только забежал в свою каюту за шлемом. Шлем долго не пристегивался к комбинезону, не попадал в пазы, но в конце концов я справился.

И тоже поспешил к лифтам, мысленно радуясь: прощай, Европа!

Поднялся на лифте. Вестибюль блока «Поверхность» был пуст. Шумели кондиционеры, ветерок гонял скомканные бумажки, Баркова не было видно – видимо, уже ушел к шлюзам. Он опережал меня, по моим прикидкам, уже где-то на полкилометра, однако я не спешил – вряд ли Барков все спланировал впритык, наверняка запасец имеется. К тому же от шлюза до транзитного порта далеко, и я надеялся Баркова догнать до того, как он успеет забраться в трюм какого-нибудь грузовика.

Так и случилось.

Я вышел на поверхность. Юпитер занимал почти все пространство, был почти везде, куда бы я ни смотрел. Он был огромным, розово-желтым и пялился на меня своим знаменитым глазом Большого Пятна. Я машинально сжался, мне показалось, что сейчас мы рухнем в слоистый розовый студень. Так всем кажется, кто оказывается на Европе впервые. Некоторые потом даже во сне просыпаются от страха – им кажется, что они падают на самую большую планету.

Справа было залитое красноватым цветом ровное поле. И там квадратами чернели большие автоматические грузовые корабли.

Транзитный порт. Сюда корабли приходят с Земли, тестируются, перегружаются, затем отправляются на дальние рубежи. И наоборот.

Здесь перевалочный пункт.

По розовой ледяной глади бодро шагала небольшая фигурка. Она одолела уже половину расстояния между шлюзом и первыми кораблями, минут за десять одолеет и вторую. Я задвинулся в тень шлюзового козырька – ни к чему, чтобы Барков меня углядел.

Он управился за восемь. Через восемь минут, когда Барков исчез за крайним грузовым кораблем, я выскочил из-под козырька. Мне тянуть время было незачем, и я побежал. Между шлюзом и грузовиками было около километра, я пробежал это расстояние за четыре

минуты. И сразу увидел Баркова. Он бродил мимо гигантских прямоугольников грузовиков, всматривался в бортовые номера. Видимо, искал нужный. Я решил держаться поодаль. Барков, кажется, не подозревал, что за ним идет слежка, бродил открыто.

Транзитный порт работал в автоматическом режиме. Туда-сюда сновали роботы-погрузчики, летали платформы с разным жизненно важным в дальнем космосе барахлом, мигали какие-то лампы. Вся техника совершенно не обращала внимания на меня и на Баркова.

Барков не торопился и действовал планомерно. Он прошел мимо одного ряда кораблей, затем мимо второго и третьего, но ничего для себя подходящего не обнаружил.

Я оглянулся в сторону базы. Сейчас, конечно, ночь, все приличные люди спят, и никому даже и в голову не взбредет, что кто-то решил заняться прогулками при свете луны. Точнее – при свете Юпитера. Никому не взбредет, кроме Груши. Ей-то может. К тому же она отличается зверской подозрительностью. Возможно, уже сейчас ее больной мозг подает сигналы: «Сбежали, сбежали, сбежали...» А Барков медлил.

Хотя нет, он уже не медлил. Уверенной походкой Барков направлялся сейчас к кораблю, который стоял чуть в стороне от других.

Корабль был совсем обычный с виду, как десятки его приятелей вокруг. Этаким квадратный торт на четырех квадратных ножках. Но Барков двигал именно к нему. Я спрятался за пузатой пластиковой бочкой и стал наблюдать.

Откуда-то, я не заметил откуда, появилась погрузочная платформа с большим черным контейнером. Барков оказался на ее пути, платформа замигала возмущенными огоньками, и Барков уступил ей дорогу. Платформа подъехала под погрузочный терминал корабля, из днища выставилась рамка, платформа задвинула на нее контейнер, и через минуту он с обязательным миганием исчез в брюхе корабля. Барков продолжал стоять чуть в сторонке.

Я знал, что обычный, негрузовой шлюз находится на корабле рядом с грузовым. Но Барков к нему не спешил. Он стоял. Наклонил голову к земле. Ко льду то есть. Ритмично притоптывал ногой. Притоптывал-притоптывал – и исчез. Я уже не удивился. Понятно. Ни один грузовой корабль не пропустит на борт человека. А вот если с пилюлькой...

Погрузочная рамка появилась снова.

Барков легко запрыгнул на нее, выдернул из боковой фермы маленькую техническую лесенку и вскарабкался по ней в грузовой люк. То есть я представил, как он все это сделал – Баркова видно не было, лесенка выдвинулась сама, и следы на инее образовались тоже самостоятельно.

А Барков исчез.

Я выставился из-за бочки, огляделся. Рамка была еще открыта. Вполне может быть, что рамка пропустит и меня. Вчера ведь двери в Центр управления почему-то передо мной открылись, значит, барковские пилюли как-то взламывали автоматику...

Расстояние в двести метров я преодолел со скоростью Бориса Чже, лучшего спринтера всех времен и народов. Терминал еще не успел закрыться, я подпрыгнул и заскочил на рамку. Лесенка была откинута, я ступил на нее, намереваясь уже вознестись в корабельные внутренности, но тут кто-то схватил меня за ногу.

Наверное, назойливый робот, подумал я. Ну сейчас я этому назойливому роботу сапогом засвечу в его железную физиономию...

– Ты куда собрался, Тимоня? – проворковал в моем шлеме сладенький голосок.

На три секунды я утратил сознание. А когда я вновь его обрел, то обнаружил себя сидящим на льду. Надо мной возвышалась она.

Груша!

Груша!!

Груша!!!

В комбине зоне с прищепками.

– Что ты тут делаешь? – спросила она с пристрастием.

Я промолчал.

Груша схватила меня за шиворот и рывком подняла на ноги.

– Я подозревала, что ты удрать собираешься! – Груша пролаяла так громко, что мне показалось, будто я услышал ее не только по интеркому шлема, но и через разделяющий нас вакуум. – Тимоня, что ты здесь делаешь?

– Я тут только посмотреть хотел... – попытался оправдаться я.

– А чего посмотреть? На железо тут смотреть? Или ты что-то замышлял? А ну-ка, признавайся...

Груша замолчала, а потом расхохоталась совершенно бесшабашным образом.

– Я поняла! – выкрикнула она сквозь смех. – Ты решил удрать, Тимоня. Но только такой идиот, как ты, мог решить, что можно удрать на грузовом корабле. Ты разве не знаешь – на грузовиках ведь действует протокол безопасности, ни один человек не может без специального разрешения пройти на грузовик. Ну ты и дурак, Тимоня!

– Сама ты дура! А еще инженер... Мы сидим под погрузочной рамкой, тебе это ничего не говорит? Да ты бы и на пять метров к кораблю не подошла, не то что к погрузочной рамке! Автоматика не работает!

– Как такое может быть? – растерялась Груша. – Я что-то не понимаю...

И тут же по периметру терминала побежали зеленые огоньки, что означало одно – старт.

– Что это? – Груша огляделась.

На самой рамке тоже замигали огни, в шлеме прозвучал приятный равнодушный женский голос:

– Внимание! Автоматический лихтер LC 274 начинает процедуру старта. Соблюдается протокол «Омега». Во избежание инцидентов предлагается всем отойти минимум на пять метров от лихтера. Внимание! Автоматический лихтер LC 274 начинает процедуру старта. Соблюдается протокол «Омега»...

– Что это? – повторила Груша.

– Что, что... Старт, дура! – сказал я.

Я резко распрямился и боднул Грушу в подбородок. Моя мучительница упала.

Грузовая рамка начала втягиваться.

– Сама целуйся со своей кувалдой! – крикнул я на прощание и запрыгнул на рамку.

Груша зашевелилась. Удивительно крепкая она, Груша. Другой бы еще валялся после такого удара, а она уже поднимается.

– Привет гляциологам! – добавил я.

Груша встала, помотала головой, как боксер после нокаута. Я на всякий случай отодвинулся вглубь. А то ведь у нее хватит ума меня за ногу цапнуть. Зубами.

И вдруг Аполлинария Грушневицкая подпрыгнула, уцепилась за рамку. Я попытался ее столкнуть – не получилось.

Корабль плавно пошел вверх.

– Спрыгивай, дура! – крикнул я. Но Груша была упорна. Она подтянулась и влезла уже наполовину.

– Прыгай же!

Груша выбросила вперед левую руку, ухватилась за техническую лесенку.

Рамка втягивалась. Еще минута, максимум полторы. И все.

Груша это поняла и все-таки попыталась спрыгнуть. Но тут прищепка с правого рукава застряла между ступеньками лесенки, комбинезон распустился, и Груша повисла на рукаве. Я попытался сдернуть рукав, но комбинезон зацепился крепко.

Рамка продолжала закрываться, автоматика грузового люка не работала. Сейчас терминал закроется окончательно, и Груше отрежет руки. Груша полетит вниз. Мы поднялись уже

почти на триста метров, а Груша полетит вниз. Но не расшибется. Потому что она замерзнет по пути – комбинезон разгерметизируется. Вокруг ведь вакуум, и прежде чем долететь до поверхности Европы, Груша превратится в лед. Но еще раньше ее легкие взорвутся от вакуума. На лед Европы упадет другой лед, лед из Груши. Упадет и разлетится маленькими красными кусочками...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.